

РОМАН ОСМИНКИН ТОВАРИЩ- СЛОВО

АЛЬМАНАХ «ТРАНСЛИТ» И СВОБМАРКСИЗМ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

kraft

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 "С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?"
- 6 ВВЕДЕНИЕ В ПОНЯТИЕ
ПОЭТИЧЕСКОГО АКЦИОНИЗМА
- 8 ПОЭТИЧЕСКОЕ АКЦИИ**
- 25 ТОВАРИЩ-СЛОВО КАК ПОСТУПОК
- 28 ТЕКСТЫ-ПОСТУПКИ**
- 34 РЕЗИСТАНТНЫЕ РОМАНСЫ
И ПЕСНИ СОЛИДАРНОСТИ**
- 46 РАЗЖИГАЮЩИЕ РЕЧИТАТИВЫ**
- 54 КРАЙНИЙ ТЕКСТ**
- 58 О МЕТОДЕ
- 69 ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ ЛЮДИ

"С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?"

«С кем вы, мастера культуры?» — без этого вопроса любое искусство лишь дизайн, частная услуга по облагораживанию приватного пространства заказчика. Ведь когда ты занимаешь позицию (заданную некоторыми убеждениями), то уже не можешь увилить и прикрываться эстетической автономией. Такая автономия по умолчанию работает в логике консервации, так как искусство, будучи плоть от плоти жизни, находится в постоянном антагонистическом противоречии с наличными формами миропорядка и только в этом противоречии и находит себя как отличное от них (но не от жизни). Искусство, если и есть автономия, то не от жизни, а внутри жизни. Искусство, как царство свободы внутри царства необходимости, только и существует, потому что есть последнее (царство). Стремясь к свободе, равенству, гармонии через чувственный опыт познания, искусство производит новые формы сознания («уже не религиозные, но еще не научные, по словам идеолога ЛЕФа Сергея Третьякова»). Искусство только и дает сознанию форму впервые себя помыслить как другого. Но эта форма чувственна — то есть никогда непереводаема без остатка в мысль. Она всегда удерживает в себе содержательно невыразимое. Это невыразимое и вводит нас в заблуждение эстетической автономии. За это невыразимое (в другое время сакральное, магическое), а вовсе не за содержание, и ведется борьба. И мы не имеем права дезертировать с линии фронта нашего невыразимого, так как обязательно найдутся те, кто выразит его по-своему, тем самым отказав нашим чувствам и мыслям в форме, а следовательно в существовании. Что я имею в виду, говоря «наше невыразимое»? Для этого сначала нужно сказать, кто такие «мы». Мы — это рабочее объединение поэтов, художников и гуманитариев разных специальностей, точкой сборки которого

являются альманах [Транслит]¹, Уличный Университет² и Лаборатория Поэтического Акционизма³. Все самоучрежденные нами квази-институции связывают в одно наши практики искусства, науки и политики. А эти практики, в свою очередь, связывает общее понимание языка как агрегатной среды, в которой мы не только производим наши высказывания — будь то художественные или политические, литературные или научные, но и тем самым переконфигурируем саму среду языка, а значит и способы мыслить и действовать. Ведь среда языка, всегда ситуированная и функционирующая в определенном лингвистическом и социальном контексте, не данность, а наш общий конструкт. Наше требование к языку — это предельная конкретность знака в конкретном месте. Означить и переозначить пространство — акт не менее политический, чем поэтический. И прямая демократия и низовые формы организации нуждаются в новом языке, который будет неапроприруем авторитарными режимами и неолиберальным рынком. Поэзия способна дать такому языку впервые проявить себя в публичном пространстве. Отвечая на вопрос какая политика нам нужна — мы отвечаем и на вопрос какие наглядные формы примет мир в ближайшем будущем. Поэзия в языке (и шире — искусство в образе) — инкубатор этих форм. Многие из них будут неузнаны, но это и есть тот самый неутилитаризируемый избыток — невыразимое, всегда готовое предоставить свою форму становящейся жизни, когда та ее, наконец, затребует.

1. Альманах [Транслит] <http://www.trans-lit.info/>
2. Уличный Университет <http://streetuniver.narod.ru/>
3. Лаборатория Поэтического Акционизма <http://poetryactionism.wordpress.com/>

ВВЕДЕНИЕ В ПОНЯТИЕ "ПОЭТИЧЕСКИЙ АКЦИОНИЗМ"

На первый взгляд акция и поэзия — понятия антагонистические: акция кратковременна — поэзия устремлена в вечность, акция направлена вовне — поэзия автореферентна, акция ставит конкретные цели — поэзия бежит любого рода инструментализации, акция проблематизирует настоящее — поэзия все время забегает в будущее.

Где же эти понятия пересекаются и пересекаются ли вообще?

Поэзия собирает разлитые в жизни и плохо различимые за мусором дурной повседневности истинные желания и кристаллизует их, наводит фокус, художественно воплощает в теле письма. Ибо дни злы. И поэзия символически разрывает бесконечную череду этих злых дней, вносит разрывы во все ускоряющуюся темпоральность современного общества, позволяя последнему взглянуть на себя из этих локальных слепых пятен естественного хода вещей.

Но и в структуре акции заложен разрыв повседневности. Она останавливает привычное течение времени, отнимает у него мгновение и дает ему революционный шанс (Беньямин).

Но тело поэзии — это бумага, а бумага, как мы знаем, «не краснеет от признаний» — она индифферентна к своему предмету. Письмо располагает собственным телом — оно историзует отправителя, замещая его.

Чтобы вывести поэтическое слово из этого индифферентного модуса существования, а поэта вернуть из позы отчужденного пророка, необходимо материализовать поэзию в конкретной точке времени и пространства, поставив поэта лицом перед разворачивающейся историей.

Именно в момент публичного речевого акта поэт берет на себя ответственность за свой голос, а следовательно

совершает социально ответственный поступок.

Акция же, априори будучи поступком, внутри своего свершения поэтична, так как всегда неуместна, неудобна и избыточна. Именно здесь, в теле акта как живого художественного слова и акта как социального поступка, поэзия и акция ситуативно находят друг друга, чтобы потом опять разойтись.

Но случится главное: слово будет произнесено (материализовано), а поступок совершен, и значит мысль не останется лишь прекраснодушным побуждением, а перформатируется в социум, производя серию направленных аффектов, трансформирующих социальный статус-кво.

Варианты поэтического акционизма могут быть совершенно разные: от декламации на площади в знак солидарности с низовыми общественными инициативами до вирусного распространения стихов-стикеров в публичных местах, от «переприсвоения» и «захвата» — символического раз-отчуждения — общественных пространств (улица, гипермаркет, парк, метро) до вторжения в структуры существующих институций (университет, церковь, мэрия) и взлома устоявшихся регламентаций и кодов их функционирования.

Поэтический акционизм — это возвращение к самой сути поэзии на новом витке — расширение гуттенбергова канала до универсальной чувственной поэтической машины.

Родившись из ритуальных камланий, поэтическое слово постепенно теряло свой сакральный статус, а вместе с ним и силу этического. Поэтический акционизм — есть секуляризованное ритуальное камлание, где на место ритуала встала политика, а камлание претворилось в публичный художественный акт. Акт интертелесной солидарности. Акт взаимоперетекания речи из семы в сому и обратно. Акт удержания становящегося слова на границе перехода последнего в ставший текст.

ИНТЕЛЛИГЕНТ - МОЗГ, А НЕ ГОВНО

— это не построение маргинальной контр-реальности неуспешно социализированных. (что-то смурно на дворе какой-то загиб сна разума). это скорее как «свободный интеллеktуал» (а не «интеллигентская прослойка») призван спонтанно вмешиваться, умеренно эмоционально выражать свою позицию, осуществлять критику разума, заглядывать на шаг вперед, иметь болезненно острое мироощущение и что-то чувствовать, чувствовать блять...

я же пока только чую: чую в атмосфере зловещее зловоние дорогих eau de toilette сто одного миллиардера в списке forbs от россии, чую душок от наглых, но холуйских по своей сути душонок чиновников и силовиков — восточных визирей, забывших, что они слуги народа, а не шейха; вижу сытые пороссячи глазки безъязыких обывателей, недоуменно смотрящих на детей, разбрасывающих призывающие к чему-то непонятному листовки; давно чую, что снизу уже ничего не получится — все будет как прежде — попытка профукана, случился выкидыш мертвого социализма, зачатого в конце 80-х и так и не развившегося в полноценный плод.

независимые суды и неселективное правоприменение, свободно мыслящие и свободомыслящие университеты, немарионеточные профсоюзы и независимые средства массовой информации, свобода личности, волеизъявления, вероисповедания и национальной самоидентификации. зачем это все, когда есть бабло, которое вроде бы обещали не отнимать. доминирующая ментальность времени рекомендует: опусти голову, не зыркай по сторонам, не нарывайся, не высывайся, не пизди, слейся в навозный шар чавкающей биомассы и катись куда катят.

это сейчас мы рефлекслируем, задаёмся вопросами устройства общества и мироздания, ищем пути достижения понимания, но после нас придут другие субъекты и

бессознательно исполняют веление времени. и грянет взрыв уже не смысловой, а социальный, взрыв глухого непонимания. и прольётся кровь.

у Питера Бергера: общество — человеческий продукт, общество — объективная реальность, человек — социальный продукт. то есть мы создаем то общество, которое потом формирует наше не генетическое но социальное «я». и вот здесь сегодня у человека возникает ощущение отчуждения, овеществления социального мира — он нам кажется внешним по отношению к нам и предстаёт перед нами как незыблемая фактичность. реальность, созданная нами, отрицает нас, и мы свыкаемся с ролью продуктов а не творцов.

** (текст, прочитанный на одном из первых занятий Уличного Университета)*

ПОЭМА АНОНИМНОГО ПРОЛЕТАРИЯ

1.

мой брат художник
я долго молчал
да что там
я молчал всю жизнь
я умел только мычать от негодования
и стонать от боли
и когда меня живьем закапывали
я скрежетал зубами
но терпел

я терпел так долго
что все подумали что я умер
и даже самые стойкие
собрались на отпевание моей души

но и они просчитались
рано скорбеть и петь зауспокойные песни
я выжил
и не молитвы жду а вызволения

2.

мой брат художник
но как мне продраться
через непроницаемые стенки твоей души
через тотальную иллюзию тишины
от которой звенит в ушах
голые зерна духа не прорастут
на заплеванном бетонном полу

3.

мой брат художник
я взываю к тебе из чрева земли
ты пришел не на пустое место
человечество оставило тебе наследство
фетишизм сознания не пройдет
я не мертвый артефакт
не пустота
я жаждущая жизни плоть
верни мне мою страсть
помоги мне обрести субъективность
дело прежде духа
дух без дела мертв сам по себе

4.

мой брат художник
я благодарен тебе за отказ от аттракциона
но не нужно строить
новых замков консьюмеризма
на моих костях
тебе предоставили самобытничать на свой манер
и ты так обрадовался
что не заметил как гул духовности
заглушил все твои истинные способности
творить искусство самой жизни

соглашаясь сегодня замкнуться
в палатах собственной души
самоуглубиться в возвышенном
ты бросаешь меня одного
поруганного и безъязыкого
истлевать во тьме низких истин

5.

мой брат художник
но неужели ты оставишь на посрамление
неужели ты предашь мою борьбу
припади ухом к земле и ты услышишь
как я взываю к тебе из-под бетонных плит
вызволи меня
если брат и сестра умрут рабами
то и дети их родятся рабами
на угнетенной душе не построишь свободного духа
внутренний пролетарий спит в каждом из нас
настало время разбудить его здесь и сейчас

6.

мой брат художник
я верю в лучшее в тебе
ты не хамелеон меняющий цвет со сменой тренда
и не флюгер следящий за потоками денежного ветра
ты говоришь мне иди с миром грейся и питайся
но не даешь мне ничего для этого
давай же творить вместе новое искусство
на фабрике не место тишине
на фабрике должна кипеть работа

7.

мой брат художник
ты хочешь духа
вот тебе дух пролетарский
я — твой материал
бери
твори

** (текст поэмы использован в акции Лаборатории Поэтического Акционизма «Время говорить» на открытии выставки «Пространство тишины» на бывшей фабрике «Красное знамя». Постоянная ссылка на документацию <http://poetryactionism.wordpress.com/время-говорить-интервенция-на-выстав/>)*

Комментарий:

поэма от лица нового пролетария в онтологическом понимании слова, т. е. занимающегося нематериальным трудом и не привязанного к статичному месту в социальной иерархии. Пролетарий сегодня — это этический проект, имя которого не указывает нам на непосредственного деятеля, выпавшего в зону лишённости по воле судьбы или по факту рождения. Это не социальная лишённость, но определённый онтологический модус присутствия. Пролетариат — это экзистенциал, определённый способ быть, а не категория, описывающая старое классовое содержание. Во главе угла здесь высказывание, конституирующее своего субъекта на момент свершения перформативного акта и все — нет больше субъекта — он анонимен по сути. Участники акции — спонтанно собранные студенты Уличного Университета, вся институция которых УЛИЦА, анархи, только что перед этим отголодавшие 2 недели перед Смольным в поддержку Артема Лоскутова, им всем далеко похуй на внутривидеостуденные дрязги и накопления символич. капитала (во главе угла ЭТИКА сопротивления, производная от желания артикулировать свою позицию по отношению к вопиющему переписыванию символического наследия авангарда под реакционные цели — поэтому и вместо абстрактного понимания художественного уровня прямой политической жест). Поэма Анонимного Пролетария обращена к художнику с целью его художественной десубъективации до уровня рядового работника фабрики «Красное Знамя».

ПОЭМА ТОВАРНОГО ФЕТИЦИЗМА

(в соавторстве с Павлом Арсеньевым)

*Предметы потребления могут существовать долго,
если они спроектированы со знанием, в котором
живёт идея красоты*
К. Маркс

I

Абсолют:

Ты должен желать,
Ты должен быть желанным,
Ты не можешь сходить с дистанции,
Если ты остановишься, ты перестанешь существовать.

Циник (семьянин с мещанским мировоззрением за 50):

Кто это говорит со мной?
Не вижу из-за изобилия ни зги.
Очередной рекламоделец
решил вдолбить очередной товар в мои мозги
Послушай ты, мои желания тебе не по уму
что знаешь ты о них?
Хоть клюв сломай товар твой не возьму
У нас с женой одно желанье на двоих
И оно прописано уже
В заранее составленной бумаге
Мы покупаем только то что кончилось уже
И не нуждаемся в излишнем благе
Ты на елейные слова нас не возьмешь
оставь наивным лживый свой долбеж
неважный искуситель из тебя.

Абсолют:

Пришло время
сменить предмет разговора.

Ты засиделся,
взгляни, твоя модель реальности устарела,
ты больше не можешь думать как прежде.
Пришли новые времена.

Циник (бытовой националист, диванный телезритель):

модель реальности... ты что мне брат иль сват
да чтоб я русский свой уют на твой блять суррогат
денатурат
я знаю кто во всех твоих реченьях виноват
...ох уж мне это мировое закулисье и шакалящие у их ног
отвлекают кормчего от рассеюшки норовят урвать кусок
повылупались плеоназмы плюрализма блять
а русскому человеку теперь под них реальность надо
менять
мозги им надо поменять а моя реальность всегда тверда
и свое кровное у.е. на поругание не дам
а времена и не такие видывали чай
зубы на полку не покладём
посидим переждем

Абсолют:

Не время ждать,
время действовать,
время приобретать средства передвижения,
созданные специально.
Созданные специально для тех,
кому некуда ехать, но есть куда торопиться.
Почувствуй драйв,
ведь чувствовать что-либо еще ты все равно не способен.
Рассуди сам, что тебе еще делать.

Наивная покупательница:

Женщине в большом городе нужна отдушина —
восполнение поблекших за трудовую неделю эмоций
зайду в супермаркет, найду себе по настроению,
что-нибудь несущественное, но от этого не менее
приятное;

порадую близких — куплю им немножечко счастья — одежда, косметика, вкусности с низкой калорией как много здесь ярких товаров, сгораю от нетерпения; заботу нести в каждый дом — судьба товаров и женщин!

покупкам себя посвящать ежедневно готова, наслаждаясь платежеспособностью верного мужа; я знаю, как деньги потратить с пользой для всех, чудесно здесь отдыхается женщине средних лет.

маленький праздник — поездка сюда дети довольны муж элегантно одет — супермаркет способен на разрешение многих женских проблем!!!

Абсолют:

Связь становится проще,
когда, впрочем,
связываться уже ни с кем не хочется,
но ты оставайся на связи,
вдруг понадобится
прислать тебе какой-нибудь счет
или только еще
проспект рекламный.

Циник (успешный бизнесмен нувориш):

Тебе не понять этого ощущения невесомости
когда ты летишь на дорогой тачке сквозь проспект
неоновый
а тебе в это время звонит по дорогому телефону твоя
телочка
а ты не отрывая рук от руля отвечаешь ей в стильную
гарнитуру
как дела малыш а она тебе котик я уже заждалась
и ты плавно вгоняешь податливую педаль акселератора в
пол
в то время как твоя телочка переключает дорогой
кондиционер в режим кул
потому что знает что скоро вам обоим будет очень жарко

крутая тачка клевый телефон сладкая телочка
это же повседневная необходимость чувак
отвечающая современным условиям жизни
я рациональный потребитель и знаю себе цену
лишнего покупать не стану

Абсолют:

В самом деле, реклама
помогает ориентироваться нам в мире товаров,
хотя она уже и не так пригодна
для указания выхода из этого мира.
Но и это, и это немало.

Циник (криминальный элемент):

не тебе меня учить где у этого мира выход
я тебе его сам покажу когда услышу с вещами на выход
а твоей рекламе я доверяю
не больше чем калашу вертухая
и слушай сюда
хороший товар рекламировать лишний раз не станут
хороший товар можно только достать
пробить замутить выменять провезти в себе
хороший товар на дороге не валяется еб твою мать
его надо разнюхать подмазать забить стрелу
хороший товар бывает только у плохих парней
не верь тому кто обещает тебе хороший товар просто так
за хороший товар всегда надо хорошо отвалить
кэшем натурой словечко замолвить за хорошего человека
все в этом мире товар фраерок все можно купить
но за хороший товар не жалко и жизнь отнять

Абсолют:

В чем дело,
не надо мяться
получи свое удовольствие в двойном размере —
хотя бы в счет атрофии воли
и желания, распыленного по поверхности.
Хорошие эмоции гарантированы —
в объеме, соответствующем категории
купленного билета.

В конце концов, приведи друзей,
получи купон.

Циник (розовощекий хам, молодой менеджер):
поищи кого попроще твой жемчуг мелок
мои друзья не лохи покупать по купонам
у нас у всех дисконтные карты постоянных клиентов
с такими скидками что тебе не снились
а у моей подружки платиновая карта
каждый раз когда она ей пользуется
я чувствую как поднимается мой статус
мы излучаем позитив наши взоры устремлены только вверх
успешность везде и во всем — вот что самое важное
иногда приходится распыляться — есть такой грех
но сегодня глубина нужна только рту и скважине

II

Абсолют:
Только в этом мире могут существовать
сети центров.
Сети центров гарантийного обслуживания абонентов,
находящихся вне истории.

Воистину разветвлена
сеть торгово-развлекательных комплексов —
для настоящих мужчин — комплекс кастрации,
для прекрасных дам — зависть к пенису,
и даже для самых маленьких мы кое-что приготовили.
Скучать никому не придется.

Циник (интеллигент с диссидентской бородкой):
за кого вы меня принимаете а
кастрировали уже весь народ и меня туда
в погоню за фетишами бесконечного гедонизма?
в летаргический сон беспробудного неолиберализма?
но я не немая рыба в ваших вонючих сетях
и не тупое быдло слепо бегущее в бездну

вы думаете история остановилась и стало возможно
разыгрывать этот спектакль эгоистичных излишеств
и впаривать обывателю по своим сетевым паутинам
весь ассортимент желаний по прейскурунту
но маховик истории пусть со скрипом
тронется скоро и по планете размажет
все ваши сети и центры гарантия тут не поможет
ну а пока продавайте и развлекайте
я ни рубля не потрачу хоть скидкой пытайте
в сети свои паутины меня не заманите
чувственность мою выстраданную не замаете
русского интеллигента с пути истинного не сбить
никакой товар не заставит нас власть любить

Абсолют:

Если найдешь дешевле,
приходи, не стесняйся,
мы вернем тебе деньги,
мы вернем тебе хорошее настроение,
мы вернем тебе молодость,
проведенную в ожидании распродажи,
но только ты ничего не найдешь.

В общем-то ведь все правильно,
все нормально,
и обрати внимание, здесь так много бесплатного.

Романтик (поёт романс):

В этой жизни нигде не водится —
Ни дружбы, ни чистой любви.
Эту жизнь прожить мне приходится
Бездушных вещей посреди

Верните мне мою молодость
Верните мое настроение
Я устал от вечной распродажи
Мне нечего больше желать

Хор всех покупателей:

Потребляй много — сдохни тихо
Потребляй много — сдохни тихо
Потребляй много — сдохни тихо

(Романтик плавно оседает на пол и умирает. За ним умирают все.

Абсолют громко хохочет инфернальным басом.)

** (текст поэмы использован в одноименной акции
Лаборатории Поэтического Акционизма в супермаркете.
Постоянная ссылка на документацию
<http://poetryactionism.wordpress.com/поэма-товарного-фетишизма-интервенц/>)*

ПРОСТО

просто хороший студент
просто хороший клерк
просто хороший доцент
просто хороший эксперт
просто хороший декан
просто хороший клевет
просто хороший проректор
просто хороший инспектор
просто хороший ректор
просто хороший друг президента
просто так уж вышло
просто профсоюз что дышло
просто экономика должна быть экономной
да и просто протестовать это глупо и затратно
просто надо соблюдать контракты
просто государство всеобщего благоденствия это красивая
утопия
просто у некоторых есть мамы и папы
а кто-то просто так и вообще монада Лейбница
вы же все знаете что такое монада Лейбница
или аристотелевская энтелехия
вы же умные студенты

не погрешающие против разума
обладающие индивидуальностью
стремлением к совершенству и самодостаточности
поэтому вы понимаете
что надо просто хорошо учиться
чтобы потом хорошо зарабатывать
ведь страна нуждается в свежих лицах
модернизаторах и инноваторах
вот например в университете телекоммуникаций Бонч-
Бруевича
научились набирать текст силой мысли
это же какое подспорье любому гуманитарию
и не за горами то время
когда силой мысли можно будет перемещаться в
пространстве
выплачивать себе большую стипендию
согревать себя в аудиториях
предоставлять себе место в общежитии
да и что там силой мысли можно будет просто вкусно
поесть
ведь еда хоть и низменная
о которой и говорить-то стыдно
но самая что ни на есть незыблемая
из простых человеческих потребностей
слишком человеческих потребностей
настолько слишком человеческих
что просто уже и бес-человечно
не удовлетворить их раз и навсегда
(ах если бы их можно было удовлетворить раз и навсегда!)
просто голодное брюхо
к учению не то чтобы глухо
но просто начинает урчать
и просто вынуждает себя замечать
будь ты хоть трижды глух
потому что урчать это что-то означать
а значение это уже не просто пюре и суп
значение не положишь на зуб
значение нужно осмыслить и обмозговать
и просто ведь это так неожиданно

да и просто не приятно
когда те кому положено учиться — учат
учат и урчат урчат и учат
и того гляди съедят
совесть твою с потрохами
приходится идти на попятную
такую всегда неприятную
но и тут не все так просто
заколочены окна роста
ведь сам по себе голод еще не солидарности тождество
и масса пустобрюхих тел это еще не сознательное множество
но и не просто оставшиеся не удел
просто понять уже надо
дядям и тетям с усами
просто студенты не стадо
просто мы сами с усами
просто не надо нас завтраками
а надо просто обедами
и будут филфаки филфаками
а студенты просто студентами

** (текст написан и прочитан в поддержку студентов
Филологического факультета СПбГУ в рамках их кампании
«Пища для ума» за понижение цен в студенческой
столовой, октябрь 2010 г. Ссылка на документацию чтений
солидарности <http://food-for-brains.livejournal.com/4182.html>)*

ОЛИТЕРАТУРИВАНИЕ ФАКТА, ИЛИ КОГДА ПАМЯТНИКИ ЗАГОВОРИЛИ

К чему стадам дары свободы
Ноздреватое Солнце русской поэзии
В оплоте лениградской контркультуры
За Кучерявые волосы удобно держаться

Натянули шапку с прорезьями, подвесили табличку с цитатой
На злобу дня про щелчки и попов
А что делать если дни все злей
Что узник на эшафот
Маленькая Берггольц
Такая миниатюрная что тронуть страшно
Залазить не пришлось
Без пяти минут кандидат филологических трогательно вырезал
прорези в зеленой маске предварительно сняв меру
Цитату на табличке написали воткнули рядом в землю
Поцеловал носок подошвы
Обнял нежно
Зазевались крик из окна директрисы колледжа
Как вам не стыдно
Посмотрел на сотоварищей своих стыда не обнаружил
Но на пререканья времени нетуть
Вот ночь взяв лестницу идем на Графский
фонарь конечно желтый рыбий жир
вот бюст Мицкевича с такою гривою огромной аки лев
Подставил лестницу залез надел ему оранжевую балаклаву
Налезла еле еле лестница шаталась пока натягивал
прорези для глаз чуть шире чем бы надо
Но нос точь в точь
Табличку не забыть
И шась ага вошел во вкус
Кто следующий?
Лермонтов работы Микешина приосанился
Как будто ждет чего уж не меня ль
вскарabalкался хватить за сапог потом за локоть
Надел на этот раз белую шапку — филолог постарался села
как своя
но табличку с цитатой туда сюда ветер кошмар не прочитать
Некрасов Николай не тот из сквера одноименного а бюст на
Литейном
Пакетик расстелил на спине большого доброго товарища
искусствоведа
И шась залез на плечи
В полный рост встал он и я на нем
Уперся грудью Ох и остронос Некрасов

А балаклава чуть мала или не чуть
Но цвет ее под стать цитате Про красный ситец
Который де ни в чем не провинился
Таки не налезло? Борода торчит смешно
Анну Андреевну соратники на утро
уж без меня принарядили
Причем не статую не бюст а контр-рельеф
Вот ведь прокудники но с выдумкою черти
Ах не все еще
Голова Бродского во дворе филфака
Последний большой поэт смотрится жалким
Оторванным от корней хаосмоса куском урана
В маске ему даже уютнее оставаться неузнанным
На острове куда обещал вернуться умирать но не вернулся
На следующий день 5 канал выдал гневный сюжет под
заголовком поэтов околпачили где назвал наши тактильные
почти интимные жесты Несмелой интернет самодеятельностью
и актом вандализма
Недоучившиеся филологи работают и на 5 канале
А Сергей Богданов, декан Филологического факультета СПбГУ
сказал что ему «Мне жалко этих людей, этого человека. Они
не смогут сделать ничего хорошего для нашего коллективного
существования. Потому что коллективное существование
строится на любви и самоуважении».
Знал бы Сергей Богданов с какой любовью и уважением мы
надевали шапочки и залезали на наше все, как любовно и
уважительно исследовали корпус произведений в поисках
нужных цитат
а какой взаимной любовью и уважением наполнился наш
коллектив во время акции
Но главное это то что любовь и уважение применительно
к памятникам это не абстрактные категории памяти а практика
не-забвения...

** (текст написан по мотивам акции солидарности
с феминистской панк-группой Pussy Riot, осуществленной
с 17 на 18 апреля совместно с группой левых активистов
Петербурга и заключавшейся в реконтекстуализации цитат и
реконфигурации памятников поэтов, высказывавшихся в ходе
акции в поддержку Pussy Riot. См. фото памятника
О. Берггольц ниже)*



КАК МНЕ НАШИ ПРАВЕДНИКИ НАДОЕЛИ,
КАК Я НАШИХ ГРЕШНИКОВ ЛЮБЛЮ

ОЛЬГА БЕРТЮЛЬЦ

ТОВАРИЦ-СЛОВО КАК ПОСТУПОК

*Читает — есть не просит
мать о маленькой Наталье Горбаневской, 1940-е*

*Встала, пошла за хлебом <...>
первая строчка из юношеского дневника
Елены Шварц, 1957 г.*

*Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни
виновата его поэзия, а человек жизни пусть
знает, что в бесплодности искусства виновата его
нетребовательность и несерьезность его жизненных
вопросов.
М.М. Бахтин*

Перефразировав Остина, мы можем сказать, что когда я говорю слово «телега» — она уже проехала через мой рот, оставив там след — след другого. Этот другой умчался вдаль, ему некогда — нужно привезти еще в десяток таких же говорящих ртов пищу для мыслеполаганий. В итоге получается, что телега одна, а слов, называющих ее, — много. Какое же из них будет словом-товарищем для телеги и сидящего на ней другого? Таким товарищем, который даст им шанс свернуть с проторенной колеи кормящихся ртов и умчаться в туманную дымку бездорожья? Туда, куда всегда смутно желалось, но было как-то боязно и недосуг. Таким словом-товарищем сегодня может стать поэтическое высказывание, как единственно неучтенное, выпавшее из обоймы холодное означающее, которым не поразить ни одну из реальных целей. Ведь это так долго и нудно, залезать под книжный шкаф и в пыльной темноте отыскивать ничем не гарантированное, когда все родовые

человеческие способности инструментализированы, вся тотальность антропологического уже включена в политэкономические процессы, а идеология воспроизводится как бы сама собой. Анализы рынков и креативные маркетинговые ходы, индексы фондовых бирж и кривые валютных курсов способны воспеть без лишних слов, а уж об их ломаном ритме, дающем фору самому замысловатому дольнику, и говорить не приходится. Но уже Якобсон показал, что нет того статичного топоса, где означаящее находит навсегда собственное означаемое. Поэтому и отсылка означаящего к означаемому локальна, топологична, феноменальна, — это языковое явление. Даже механический перенос от одного означаемого к другому уже является актом — трансактом. Отсюда самое завалившее означаящее, означаемое которого давно поругано или вовсе никогда не существовало, оказывается однажды наиболее и единственно пригодным для осмысленного речевого акта, не захваченного в тиски приема-передачи, не скованного цепочкой нефтегазовой ренты и не бегущего по трубопроводам. Следуя тому же Якобсону, «в поэзии произведение смысла обеспечивается не тем, о чем написано, но собственно самим сегментом смысла, который поэтому не находится в распоряжении нашего сознания, но всегда уже заранее присутствует в любой нашей сознательной попытке смыслообразования». Но также и поэтическое высказывание существует помимо собственно высказываемого им содержания как акт высказывания, зачастую внеположный конвенциональной системе координат. Сопрягая сегмент смысла и акт высказывания, наделяя смысл местом и временем (фактичностью), а акт высказывания — формой выражения, мы и получим искомое слово-товарища. Слово-товарищ существует поверх диады «означаящее — означаемое», в том смысле, что оно одновременно есть и одно и другое, и имеет своей материей не исключительно письмо и не только речь. Слово-товарищ — всегда событийно — оно поступок, как видел его Бахтин, то бишь «не отвлеченный закон ... а действительное конкретное должествование, обусловленное его единственным местом

в данном контексте события»¹. Только шагнув навстречу миру, человек выходит из «бесмыслия», начинает видеть и слышать. А видит, слышит и действует человек не в своей биологии, а в своей биографии. Но «шагнуть навстречу миру» — это не обязательно приложить к нему какое-либо действие. Владимир Бибахин в «Слове и событии» пишет, что по Бахтину «поступок полон собой и не обязательно нуждается в проявлении. <...> Всё, даже мысль и чувство, есть мой поступок. Поступком будет и жертвенный отказ от себя, и упускание себя в бездействии. Бахтинский поступок больше, чем поведение субъекта».

Таким образом, товарищ-слово — это не только слово, которое всегда с поэтом, но и слово, могущее действовать в одиночку, без сопровождающего тела и голоса. Это слово, которое не подведет и не даст себя использовать врагу раскрепощения мысли и жизни, так как просто не имеет с ним ничего общего².

1. «Поступок [...] в [...] своем свершении как-то знает [!], как-то имеет единое и единственное бытие жизни, ориентируется в нем [.,.]. Изнутри поступок видит [!] уже не только единый, но и единственный конкретный контекст, последний контекст, куда относит и свои смысл, и свой факт, где он пытается ответственно осуществить единственную правду и факта и смысла в их единстве конкретном». М.М. Бахтин, «К философии поступка».

2. «Искусство всегда ссужает предприятиям по порабощению и раскрепощению только то, что в состоянии им ссудить, то есть всего-навсего то, что у него с ними общего: положения и движения тел, функции речи, распределения на зримое и незримое». Ж. Рансьер, «Разделяя чувственное».

ТЕКСТЫ-ПОСТУПКИ

Одна неудавшаяся попытка изменить сознание современного рабочего

** (Текст, написанный после девяти дней работы строителем
в одном из элитных коттеджных поселков Ленинградской
области летом 2011 года)*

там где плющ прихотливо увил бетон заводской ограды
там где воробей как камень вспорхнул с кучи щебня цвета
буднего дня
там где трещина в асфальте повторяет
корневую систему дуба посаженного на юбилей вождя
там где два диких пса совокупаются
как поршни лохматой машины посреди заводского двора
там где выцветший плакат о планах на пятилетку
стал частью пейзажа
там где выщербленная кирпичная кладка первого цеха
кровоточит на закате
там где линияное фото Пугачевой в рабочей раздевалке
уподобилось фрагменту фрески Боттичелли
там где вертушка проходной скрипит
детской качелью чернобыльского пионерлагеря
там где силуэты станков
напоминают о вымерших видах животных и растений
там где заводская труба в хорошую погоду
показывает богам земное время
там где резиновый сапог торчит из грязи
антропоморфным знаком забвения
там где бензиновые лужи
застыли радужными пятнами на поверхности антиутопии
там ты тематизируешь рабочего

помещая себя как обычно между строк
но что тебя объединяет с рабочим
если когда ты ложишься спать
он встает на утреннюю смену
быть может ты думаешь что призван охранять его сон
а кто в таком случае будет охранять твой никому не
нужный сон
рабочий уж точно не будет этого делать
ему некогда да и незачем
он едет в трамвае после смены с банкой пива и смотрит в
окно
где сквозь заляпанное грязью стекло
проплывает остывающий кратер главной заводской трубы
некогда мощного гиганта индустриальной эпохи а сейчас
лишь твоего фетиша
которым ты затыкаешь бестелесность своих
мыслеполаганий.

давай по-простому
этого рабочего не существует
ты его придумал себе сам чтобы охранять его сон
ведь иначе как оправдаться
почему ты не спишь по ночам
хотя и оправдываться-то уже не перед кем
ведь народному хозяйству от тебя никакой реальной
пользы
но с другой стороны если рабочий воображен тобой
то он уже где-то существует?
и может быть в этом где-то
вы охраняете сон друг друга по очереди
он работает ты спишь он спит ты работаешь
ты спишь благодаря плодам его труда
он спит и видит плоды твоего труда
просыпаясь он производит наяву то что ты натворил ему
удобное для тебя разделение труда не так ли
ведь у воображаемого рабочего должен быть воображаемый
поэт
который пишет ему одному
о том какой он трудолюбивый могучий честный

и как на нем все зиждется
тем самым воображаемый поэт сам становится
могучее честнее трудолюбивее!

сегодня в левой среде принято спекулировать на рабочем
образ рабочего это своеобразная икона для левого
интеллектуала
воздев которую на хоругвь он шествует незнамо куда в
незнаемое то бишь
и это незнаемое очень похоже на заляпанное грязью окно
трамвая
в которое смотрит рабочий
и никак не может охватить взглядом
распадающиеся частицы заоконной действительности
ему бы разбить это окно
но руки рабочего заняты
а булыжники левого интеллектуала
обернуты в такое количество бумаги
что пока их разворачиваешь
успеваешь забыть зачем.

Стихотворение, прочитанное у СИЗО на ул. Лебедева во время голодовки петербургского активиста Филиппа Костенко

Филипп Костенко
голодает в застенках
система чекиста Каа
впяяла статью КоАП

минуло 15 суток
но судья оказалась сухой
дитя системы Ермолина
срок Филиппу удвоила

нас ведь лишат зарплаты
гнусавили из центра Э гады
прихвостни термидора

припомнили Филиппу Аврору
снова камера сто семнадцать
казалось бы некуда деваться
но на улице ждут друзья
а их подвести нельзя

Филипп уже слабый и желтый
значит скоро системе жопа
коль она так боится Филиппов
значит чует что крепко влипла

Стихотворение-манифест движения «Окупай Абай»

стихи были сырыми
и малопоэтичными
а мы были простыми
ребятами столичными

уальдовские франты
тургеновские фаты
потертые сиддхартхи
и вечно с краю хаты

нам клали все в упреки
что дескать инфантилы
но шьют теперь нам сроки
и винтят превентивно

за ни за что поверьте
мы просто ели лежа
как все боялись смерти
и спали с макинтошем

но что-то блядь случилось
но кто-то блядь клеветет
и вот уже не чивас
но не чифирь еще

у брадобрея руки
опять по локоть в чем-то
мы крикаем как утки
мы мажемся печенкой

мы вышли на бульвары
такой родной столицы
и наши боливары
уже спешат описаться

ведь не Махатма Ганди
не Мартин Лютер Кинг

сурковской пропаганде
намотаны на винт

а мы — птенцы фаланстеров
богема винзаводов
идем под мат закадровый
кремлевских кукловодов

от страха громко бляя
от слабости must die
где встанем ассамблея
где сядем оккупай

нам Негри и Агамбен
сказали что так надо
когда на каждом штампе
все девять кругов ада

и мы ебашим луки
как в предпоследний раз
ну а потом от скуки
омон ебашит нас

но и в бойце омона
мы слышим человеческий
негодования гомон
соль наших красноречий

горячими мозгами
растапливая факты
мы лёд под сапогами
все время виноватый

и нет разлома в песне
но вопреки Адорно
мы пишем хоть ты тресни
стихи мешая с порно

ИИСУС СПАСАЕТ Pussy Riot

** (песня, написанная в поддержку феминистской группы Pussy Riot 8 марта 2012 г., которое они встретили в СИЗО. Видеоклип на текст доступен на канале: <http://www.youtube.com/osminkin/>)*

меж казацкой нагайкой
и чекистским наганом
вьются девичьи стайки
боевым авангардом

и на лобное место
и в сакральный собор
льется девичья песня
и панк-молебна хор

припев

Иисус спасает
патриарх карает
он осведомлен и прекрасно знает
надо трех невинных
бросить на костер
и тогда заткнется всякий на язык остер

Иисус спасает
патриарх карает
он осведомлен и прекрасно знает
надо трех невинных
посадить на кол
и тогда заткнется всякий пиздабол

как удобно решать
от имени бога
кому жировать
а кому в тюрьму дорога

хитрый прищур

лукавый взор
чекист в поповской рясе
выносит приговор

Кирилл Гундяев
негоже как бы
служить и господу
и КАГЭБЭ

но православная паства
ты право не кровожадна
и раскусишь лукавство
твоих пастырей жадных

бей россию
спасай жидов
к восстанию писек
будь всегда готов

припев

РЕЗИСТАНТНЫЕ РОМАНСЫ

(исполняются а капелла, а также в качестве текстов проекта «ТЕХНО-ПОЭЗИЯ»*)

КОММУНИЗМ НЕ ИДЕАЛ

песня, посвященная Майскому Конгрессу творческих работников и исполненная там же в 2010 году

левый художник в возрасте Христа
танцует под Джэсус Христ суперстар
тело его в поту волосы всклокочены
левый художник зачат путями порочными

правый поэт в образе Гумилева
тоскует под летний дождь талькова
слезы наворачиваются на его лице
правый поэт пророчествует о пиздеце

припев

коммунизм не-е идеа-ал
коммунизм это с кем ты сегодня спал
коммунизм это с кем ты сегодня ел
коммунизм это свобода тел

левый режиссер в очках от Жан-Люка Годара
снимает кино про жизнь и борьбу Че Гевара
Венеция канны и никаких пиздюлей
левый режиссер ты можешь еще левей

правый философ похожий на Ильина
преет под царствуй на славу на славу нам
тело его источает реакционный смрад
правый философ целует историю в зад

коммунизм не-е идеа-ал

коммунизм это что ты сейчас читал
коммунизм это каких ты завел друзей
коммунизм это борьба идей

левой рукой коммунии ты держись
правой рукой коль веруешь то молись
коммунизм не противоречит закону божьему
но двумя руками ты способен на большее

коммунизм не-е идеа-ал
коммунизм это куда ты коктейль кидал
коммунизм это кому ты сегодня пел
коммунизм это движенье дел

НАС ОБМАНУЛИ

романс по мотивам работы М. Вебера «Избранное. Образ общества»

Нас обманули
умники и богачи
разделили и овладели
и теперь ветра в поле
ищи свищи
здесь тебе не богадельня

убогие созданы чтобы страдать
бедные чтобы трудиться
потом и кровью
свой хлеб добывать
и на ночь глядя молиться

Ведь
самовозрастающая сумма на счетах
это есть знак
это есть знак
чтоoooooooo Господь тебя выбрал
чтоoooooooo Господь тебя любит
чтоoooooooo господь пребывает с тобо-ооуой.

(2 раза)
Нам говорили
что выдали равные всем
по праву рожденья
права и свободы
и пусть победит
сильнейший из тех
кому демократия
вторая природа

но мимо рта
опять мимо рта
проносятся годы
проносятся годы

Ведь
самовозрастающая сумма на счетах
это есть знак
это есть знак
чтоooooooooo Господь тебя выбрал
чтоooooooooo Господь тебя любит
чтоooooooooo господь пребывает с тобо-ооуой.
(2 раза)

МИР ТЕБЯ ЛЮБИТ

когда шли нулевые
молоко свернулось аки демократия
и мы вообще ничего не говорили
попросту лакали млеко партии

ах как мы гиперболизировали
не признавали собственных ошибок
как красиво смысл слов кастрировали
избегая социо-ушибов

отмежевывались от обвинений
обвиняли в отмежеывании

пережевывали чужие мнения
обвиняли в пережевывании

принимали положение вещей
за само-собой-разумеющееся
принимали положение вещей
с возрастанием цен хамяющих

мир тебя любит пока ты живешь
но мир станет лучше когда ты умрешь
мир тебя терпит пока ты живешь
мир станет лучше когда ты умрешь

объявляли свою позицию не своей
вторя великодержавному граю
отпочковывались от простых людей
подпочковываясь к вертухаям

доставали из узких штанин
фигу в лицо отчизне
в то время как из табельных волын
свинцовый елей сочился

когда нулевые кончились
и молоко с губ обсохло
мы все еще тихо корчились
по свободе пуская сопли

когда нулевые кончились
простые люди решили
что то что мы им напорочили
сами же и заслужили

мир тебя любит пока ты живешь
мир станет лучше когда ты умрешь
мир тебя терпит пока ты живешь
мир станет лучше когда ты умрешь

СЕМЬЯ

песня по мотивам книги Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Течка ослабляет сплоченность стада
Стадо этому совсем не радо
Ревность самцов наших праотцев
Не помнит своих ни начал ни концов

Чтобы сплотить стадо в народ
Самцы придумали племя и род
Теперь все самки были поделены
Между сильнейшими членами племени

Чтобы не делиться растущей прибылью
Самцы придумали моногамную семью
Теперь им течка была не страшна
Собственность навеки небесами скреплена

Я говорю семь-я
Ты говоришь семь-я
Мы говорим семь-я
Так пополняется буржуазная копилка свинья
(2 раза)

С тех пор семья стала всхлипом твари
Сидящей на цепи у моногамной морали
Та понукала семьей как всхочется
какая уж тут ячейка общества

такая семья это не коллектив
человеческой природе моногамия претит
она сжигает за ней мосты
для поиска партнера своей мечты

но Клара Цеткин и Роза Люксембург
освободили женщину от моногамных пут
любовь пролетариев и пролетарок
задула лживый единобрачия огарок

весь 20-й век женщины шли в бой
за равенство полов и право быть собой
и вот уже сегодня семей не сосчитать
где женщина отец а мужчина мать

припев (2 раза)

но равенство полов еще не равенство людей
свободная семья не панацея от блядей
если есть идеальный товар то это тело
не знающее собственного унижения предела

быть может внутри общества гнездится порок
а семья висит на нем как фиговый листок
прикрывая потуги капитала и власти
себя обезопасить от любви и от страсти

но запретами природу не побороть
на всякий запрет найдется плоть
готовая тут же его отменить
и мир наслаждения развеществить

припев (2 раза)

ПЕСЕНКА ОДНОЙ НЕСОЗНАТЕЛЬНОЙ ДАМОЧКИ

скоро нефть опять поднимется в цене
и все вернется на круги своя
не думай о путине — думай обо мне
я твой президент и госдума твоя

я раздвину ножки так как никто
приготовлю ужин так как нигде
кто этот навальный — конь в пальто
у твоей оппозиции щи на бороде

припев:
не уходи побудь со мною
омон тебе не будет рад
я все твоё свержение строя
и конституции гарант

снова возвращаешься грязный как гаврош
посмотри-ка в зеркало чем не жулик и вор
они крадут у страны — ты у меня крадешь
по 15 оргазмов и по 10 ссор

буржуазное гнездышко тихо вью
если есть единая зачем тебе другая
чем протестовать — в кино своди семью
самый лучший митинг — это я бухая

припев

ТЫ СИЛОВИК ФЕДЯ

веселая песня для митингов

ты силовик Федя
а это значит
железной волей схвачен твой высокий лоб
ты силовик Федя
и озадачен
ты всякий раз когда приказ тебе не люб

ты силовик Федя
чего же боле
тебя за это я не стану осуждать
ты силовик Федя
и подневолен
силком людей в мусоровоз кидать

ты силовик Федя
вот незадача
все чаще бегаешь за бабами с детьми

ты силовик федя
тебе тем паче
пристало бы бороться с силой тьмы

ты силовик Федя
ну сколько можно
соломку под медведями стелить
ты силовик Федя
тебе не сложно
медведя как Дубровский завалить

ты силовик Федя
так хватит бредить
и я могу тебе пообещать
поедешь Федя
на велосипеде
на дачу бабочек ловить и отпускать

ПРОСТИТУЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

анти-декадентский романс

прыгнуть на заднее сиденье
к хачику с бычьей шеей
маячить как привидение
повиснуть как анна на шее

не делайте нам больно господа
не делайте нам больно
мы добывались вами как руда
добыли и довольны

но не всякий знак равен дензнаку
и золото истине не ликвид
и предстанете вы перед фактом как фактом
когда девушка нет говорит

и возникнут пред рылами перинными
очертания прежних обид

и приснятся вам жертвы безвинные
и напишет последний пиит

как мы вам продавали надежду
ворожа круговую поруку зла
как метался образ мятежный
под обрюзгшим телом козла

как сували в рот бедной девочке
оттопыривши крайнюю плоть
как кончали кряхтя и к стеночке
поворачивались еблом

как последние станут первыми
кровосмешается эллин и иудей
и мы станем женами верными
для простых и хороших людей

как устои заплеснеют вязью
так что будет не разобрать
как ухоженные до безобразия
называли нас словом блядь

и запрыгнем на заднее сиденье
к хачику с бычьей шеей
не затем что он пахнет деньгами
а затем что всех нежнее

РАЗГОВОР РАБОЧЕГО И ИНТЕЛЛИГЕНТА с неожиданным финалом

левый пост-шансон

припидарашенный модник
чего ты хочешь от меня
твой отец международник
мой под белкой с января
твоя мать чуть что все морги
обзвонит и оббежит

а моя как ленин в горках
без движения лежит
твой кузен сидя на газе
с воздуха бабло стрижет
мой брательник на Кавказе
его жопу стережет
твоим сестрам за порядком
МГУ МАИ МГИМО
а моим на ленинградке
эскимо за эскимо
в шесть утра ебу я землю
ты очередную блядь ебешь
в хате с окнами на кремль
так чего от меня хошь?

На этом месте должен быть припев
Про сильный и организованный пролетариат
Который исполнит мессианскую роль
И спасет наше общество от рабства отчуждения
но припев натолкнулся на моральную дилемму
где найти сегодня такого субъекта
который пришел бы и сказал бы довольно
но без разжигания классово розни
и тогда бы в припеве пелось про то как
случилось чудо и нищие духом
обрели долгожданное царство свободы
не пролив ни единой слезинки ребенка
ах ты мой народ убогой
думы все мои и боль
дураки мои дороги
горемычная юдоль
у тебя же нету мочи
вымолвить как ты устал
а ведь я как ты — рабочий
только пост-индустриал
информацией владею
и хочу чтоб ты узнал
рвут рассеюшку халдеи
и сосут из нее нал

от тебя мне надо малость
никогда ты не был трус
надави хоть раз на жалость
чтоб она издала хруст
нет не надо перелома
нужен болевой прием
а уже после приема
сам наступит перелом
кремлядь разом разбежится
как последняя шпана
и страна преобразится
и воспрянет ото сна
и тогда начнешь достойно
жить а не существовать
ну а я благопристойно

буду быт твой охранять
заживем по-европейски
ты налоги — сервис я
с демократией как с песней
ты бася — а я гнуся.
тут бы синтезу зачатся
но зачался автозак
больше двух не собираться
нам от вас рябит в глазах
шли бы вы уже работать
сеять хлеб статьи писать
напиваться по субботам
и по воскресеньям спать.

припев

МАКАРОНЫ ПО-МАРКСИСТСКИ

*Сначала хлеб, а нравственность потом.
Б. Брехт*

в золотой сотне Forbes меняется лидер
а я макаронки варю
если бы меня Станиславский увидел
он бы сказал мне — ве-рю
ты так миметично варишь
простые свои макароны
как будто бы отливаешь
один к одному патроны

революции не с Маркса к нам свалились
революции из макарон твоих сварились
на голодный желудок и протест не протест
бунт на первое блюдо — на второе арест

в Кремле меняется местоблюститель
а я жарю куру тем временем

если бы меня сейчас Брехт увидел
он бы оценил остранение
ты так реалистично жаришь
эту несчастную курицу
словно диалектически изображаешь
ворюгу и кровопийцу

революции не с Маркса к нам свалились
революции из яйца твоей курицы вылупились
на голодный желудок и протест не протест
не надейся на чудо — разнеси весь насест

в ЭРПЭЦЭ меняется предстоятель
а я догрызаю кости
если бы меня сейчас Арто заметил
он бы оценил всю жестокость
ты так отрешенно глодаешь
эти проклятые кости
как будто бы отрицаешь
всех посредников божьей милости

революции не с Маркса к нам свалились
революции из наших костей сложились
на голодный желудок и протест не протест
не надейся на чудо — брось обрыдлевший крест

* Проект ТЕХНО-ПОЭЗИЯ
<http://vk.com/technopoezia>

де-субъективирующие рече-музыкальные практики:
ТЕХНО: исполнитель: Командиров Антон
инструмент: korg kaossilator, электро-гитара. стиль: брейк-
поп, дрим-индастриал, пластик-эмбиент и каосс-хоп.
влияния: электро-магнитные поля и социально-
политические процессы. жанр: тактильная электроника
ПОЭЗИЯ: исполнитель: Ос(ь)минкин Роман, инструменты:
русский язык, голос, стон, вой, пение.
влияния: секулярные хоралы, мадригалы, песни скопцов,
бельканто кастратос, бардовская песнь, шансон, рэп,
классический мелос русского регулярного стиха, русский
романс, русский фольклор, yiddish-anarchist songs, битники,
буддийские мантры, кришнаитские напевы, завывания
муэдзинов, синодальные канторы...

РАЗЖИГАЮЩИЕ РЕЧИТАТИВЫ

ТОЛЬКО БЕЗ ПОЛИТИКИ

шахтеры донбасса
работники серных рудников
раскряжевщики кедровой тайги
дистиллировщики ртутных шариков
волочильщицы медной проволоки
обмуровщики кислотных резервуаров
домохозяйки вдыхающие продукты сгорания газа
плавильщики шоопсплава и висмута
бандерильеро-с пыльных коррид
навальщицы угля в вагонетки
рабочие на очистке шламовых бассейнов и болтушек
эбонитовые ловцы жемчуга
наладчицы конвейерных лент
операторы машинного доения
присяжные поверенные
сбиватели сосулей
промывальщики котлов паровозов
забойщики скота занятые на операциях оглушения подцепки
и обескровливания
травильщики форм глубокой печати
водители аэросаней
собиратели земноводных
коксоразгрузчики и коксоочистители
котлочисты и краскотеры

...только без политики
ни слова о политике
давайте без политики
забудьте о политике
не надо здесь политики
без всякой там политики
никакой политики
воротит от политики
тошнит всех от политики
без грязной блять политики
без этой злой политики

ебись эта политика
и лживые политики
увидеть не хотите ли
услышать не хотите ли
после работы вечером
на сон ваш на заслуженный
под храп под ваш контуженный
чего-нибудь веселого
чего-нибудь волшебного
такого чего нет у вас
но будет непременно
когда работу кончите
без ропота без устали
не отвлекаясь попусту
на дело дрянь политику

...трудящиеся
все эксплуатируемые и отчужденные
все угнетенные и доминируемые
альтернативные и маргинализируемые
жертвы чужого херрасмента и своего ressentimenta
многодетные матери-одиночки и солдатские матери
пациенты психоневрологических диспансеров
жертвы пенитенциарной системы
передознувшие и непохмелившие
инфантильные и слабохарактерные
умственно отсталые и девиантные
плохо социализируемые и проблемные
инвалиды и граждане в периоде дожития
неучтенные пищевые звенья нефтегазовой ренты
просто люди
или как вас там
массы
подопытные экземпляры экспериментов биовласти
никого не слушайте
ничему не верьте
живите
просто живите
жи-ви-те, но...

...только без политики (повтор первого речитатива)

КРОВАВАЯ БАНЯ

левый рэп

Видео на текст доступно на <http://www.youtube.com/osminkin/>

вот я проснулся
вот повернулся
включил компьютер
и встрепенулся

все скорби мира
в моей френдленте
и вязнет лира
в ангажементе

антагонизмов
неразрешимых
марксизма клизма
нужна им живо

но зомбоящик
и все газеты
в мозги трудящих
наклали вето

на правду матку
на честно слово
талдыча мантру
что дескать снова

под вражью дудку
враги России
качают лодку
и смуту сеют

кто вами правит
глаз не смыкает
добра и счастья
он вам желает

а вы хотите
кровавой бани
вы все хотите
кровавой бани

припев:
кровоааавой бани
кровоааавой бани
вы всееее хотите
кровоаааавой бани
(2 раза)

вы так хотите
все уничтожить
но перебздите
при первом ложном

хлопке ладони
по дряблой попке
готовой к вони
еще до порки

хольте лелейте
самоцензуру
не сейте ветер
пожнете бурю

консенсус сладок
когда все слиплись
извилины складки
для новой мысли
чумы оранжевой
всем на зависть
хохлы уже им
понахлабались

ни крест ни бомба
пусть не тревожат
уют кургузый
всего дороже

свою свободу
засуньте в жопу
гуляй Россия
скули Европа

кроваааавой бани
кроваааавой бани
вы всееее хотите
кроваааавой бани
(2 раза)

ХИПСТЕРЫ ИДУТ

R&B для политизации юношества

Видео на текст доступно на <http://www.youtube.com/osminkin/>

я сейчас заплачу
от этой красоты
ленинградский мальчик
девичьи черты

дима здесь был вова
в анусе лучи
доброе от самого
отличать учил

не изобретая
колесо любви
как Де Сад — Батая
оплодотворил

пряником сусальным
пОтлачем с ножа
беляшом вокзальным
с начинкой из бомжа

юное и нежное
низких истин тьма
когда в округе брежнево
найдет тебя сама

улицей Марата
площадью Восстания
элгэбэтэ-парадом
хоругвями со Сталиным

баррикады против
мЕртвенного БОУкса
чей-то пухлый ротик
тоже просит голоса

с айпадом на коленках
чернильная душа
и к тебе в застенках
вползет сомненья вша

мыслеполаганье
чИнит производ
кто бы эти строчки
в ТахриИры произвел

мякиши макбуков
клавиш молоко
копипастом плутов
контентом мудаков

жми на лайк за тех кто
был тебя смелей
как Филипп Костенко
и Крылов Матвей

Жижек тебе в помощь
Фуко тебе в бадью
разве может овощ
огрести статью

истина фэйсбучна
собрАлись — разошлись
воля к власти глючит
зато взор марксист

вынь из пяток душу
тебя уже все ждут
это же типа вива революшэн
хипстеры идут

ДУМАЙ О ДУШЕ

*речитатив, непосредственно направленный на разжигание
классовой розни*

Вы предали прекрасные слова
которые придуманы не вами
Политика бывает только реальной
демократия может быть только прямой
Выборы могут быть только честными
Иначе ничего не существует
Знак должен означать свой предел
В каждый момент начертания и проговаривания
Восходить к низости истины
Не меньше ни больше
Политика это движение тел
Демократия это голос каждого во всеуслышании
Выборы это прозрачность и право отзыва
Город это общее место жизни
Жизнь это создание ситуаций а не спектакль

Поэтическая функция языка здесь быть может не доминирует

Ротенбергам трубопровод
Дерипаске алюминий
Мордашеву сталь
Магомедову зерно
Ковальчуку телеканалы и газеты
Якунину поезда и железные дороги

Анисимову росспиртпром
Миллеру газ
А народу опять ни-че-го

Думай о душе думай о душе
Ротик на завязочки пришей
Думай о душе думай о душе
Ротик на завязочки пришей

Евтушенкову и Солдатенкову мобильные сети
Тимченко нефть
Керимову калий
Ковальчуку энергию
Ротенбергам опять? минеральные удобрения
Исайкину самолеты ракеты и танки
Тимченко терминалы и паромы
Ротенбергу дорогу через Химкинский лес
Грефу сбербанк
Костину Внешторгбанк
Прохорову никель
Прохорову золото
А народу опять ни-че-го

припев

Лисину металлургия и строительство
Фридману финансы и промышленность
Абрамовичу нефть золото металл цемент
Якеменко гитлерюгенд
Володину пропаганду
Суркову модернизацию
Чубайсу Роснано
Усманову Одноклассники
Мирилашвили Вконтакте
Алекперову бензин
Махмудову уголь
Потанину Олимпиаду
А народу опять ни-че-го

припев

ЖИДЫ РАСПЯЛИ ХРИСТА

постсекулярный рэйтв

Иисус никогда не смеялся
не до смеха было ему
он за слабых людей заступался
и за это распяли его

говорят это были евреи
так что в пляс иди смело Иван
пока юности дни не пропели
только помни на суд будешь зван

сын погибели с прищуром спросит
где ты был когда я в первый раз
приходил и дарил божью милость?
и зарядит тебе промеж глаз

припев

жиды распяли Христа
ой неспроста неспроста
Мессия должен быть пронзён
гласил давидовый псалом

ой папа римский ты не прав
жидов в распятье оправдав
ведь если это не жиды
то может статья я и ты

если боженьки нет — все позволено
говорил Карамазов Алеша
а Лакан его кликнул невротиком
жить который без бога не может

а Жуковскому ну-ка пришлось
(тому цензоры в рясах причина)
о Балде править Пушкина сказку
заменяя попа на купчину

ну а Гоголь прослыл юдофобом
в его повести о Бульбе Тарасе
казаки топят в речке жидов как котят
(это детям дают в седьмом классе)

припев

папа римский недавно с евреев
снял вину за распятие Христа
кровь что пролита во искупленье
не должна быть орудием зла

значит канут в истории лету
навсегда холокосты ебучие
только вот бы и сами евреи
палестинцев поменьше бы мучали

припев

КРАЙНИЙ ТЕКСТ

эти стихи написал я

я это я

эти стихи никому не сделают больно

эти стихи условны как искусство и безопасны как китч

эти стихи неправдоподобны

эти стихи ничего не говорят о реальности

эти стихи никак не влияют на чувственность

эти стихи не оставляют места читателю

эти стихи плевали на своего читателя еще раз

эти стихи ничего не делают видимым

эти стихи никак не борются с властью

эти стихи никого не побуждают задуматься над смыслом жизни

эти стихи никак не работают со словом

эти стихи не используют метафор не содержат аллюзий аллитераций и даже самой банальной рифмы

эти стихи глупее стихов Вяземского

эти стихи не любезны никакому народу

эти стихи не пробуждают добрых чувств не восславляют свободу и уж тем более не призывают милость к падшим

эти стихи не отвлекают от настоящего дела и более того

эти стихи не мешают жить хоть и отнимают время

эти стихи ничего не говорят о вековой борьбе мужчин и женщин за свои права

эти стихи лишены онтологической сущности

эти стихи не оставляют после себя следов письма символов бессознательного или аффектов означающих

эти стихи хоть и написаны по-русски но никогда не

сравнятся со стихами великих русских поэтов прошлого

эти стихи не принадлежат никакой языковой традиции

эти стихи бесполезно переводить потому что при переводе они вообще утрачивают всякий смысл

эти стихи пишут слово бог с маленькой буквы не из богоборчества а по невнимательности

эти стихи не способны унять экзистенциальную тревогу народа

эти стихи бессловесны и многословны в самых неподходящих местах
эти стихи никогда не будут изучать в школе как стихи Есенина и Маяковского
но и неофициальными как стихи Сатуновского и Кривулина им никогда не стать
эти стихи не возьмется изучать ни герменевтическая ни структуралистская ветви филологии не из-за сложности их кодификации а из-за отсутствия предмета изучения
эти стихи не умеют использовать такие незаменимые в своей экспрессии регистры языка как нарочитая грубость интимное сквернословие грязный эротизм словом всем тем что могло бы их хоть как-то оправдать в глазах сегодняшнего мира
эти стихи не жалкие ублюдки речи и не реальные сочетания слов
в этих стихах язык не бездельничает — он просто умер
эти стихи не дойдут до цензуры потому что насквозь самоцензурированы
эти стихи не сопротивляются инерции и готовы впасть в дурную тавтологичность
эти стихи едут в знаемое но не знают даже как применять синкопу
эти стихи воспроизводят уже готовые устоявшиеся мнения и тенденции
эти стихи некритично заимствуют все худшее от предшественников
эти стихи никакая не аутосемантическая поверхность а вернее никакая аутосемантическая поверхность
эти стихи не помогут даже в самой простой житейской ситуации например вставить красное словцо в шумной компании подвыпивших левых интеллектуалов или найти свежую метафору к серым глазам студентки филфака
стихи эти не помогут и когда кто-то остается один на один перед лицом смерти
они ничего не говорят также о влечении к смерти и страхе смерти
эти стихи никак не помогают преодолеть отчуждение между людьми разных социальных классов, да что там и

между людьми одного класса и вообще между людьми как
говорящими животными
эти стихи беспомощны по отношению к
быстроменяющемуся миру
этим стихам не тесно в своих рядах потому что они
пренебрегают равно и синтаксисом и семантикой
эти стихи объективированный продукт человеческой
неприкаянности
эти стихи сами того не ведая порождают уныние и
иждивенчество а вместе с ними и политическую скуку
эти стихи даже не хотят казаться лучше чем они есть
потому что бояться быть уличенными в этом
эти стихи не выстраивают дистанцию по отношению к
пишущему а просто устраняют пишущего
эти стихи не выдерживают никакой критики потому что
никакая критика за них не возьмется
эти стихи не написал бы и дислексик и шизофреник и даже
машина письма дала бы сбой
эти стихи пренебрегают правилами русского языка не
из наглости или в знак протеста и уж тем более не из
формотворческих устремлений или желания разрушить
канон а просто из лени и малограмотности
эти стихи не опасны и следовательно не спасительны
эти стихи недвусмысленно думают что амбивалентны и
более того диалектичны
эти стихи глухи к насущным человеческим проблемам
эти стихи слепы по отношению к творящейся
несправедливости в мире и не отзываются болью в сердце
даже у самых чутких и ранимых людей планеты
эти стихи издают сплошное мычание и хрюканье так как
вынимают врожденные идеи прямо из души минуя слова
эти стихи если и мыслят себя то мыслят категориями
откатов и распилов премий и гонораров
эти стихи не способны вызвать малейшего возбуждения и
вообще бесполы и аморфны
эти стихи не способны разжечь даже малейшей
межрелигиозной розни и межнациональной нетерпимости
потому что отсыревают прежде всякой розни и
нетерпимости

эти стихи никак не славят россию и не помогают строить
завтрашнюю жизнь без наркомании и алкоголизма
основанную на любви к отечеству
эти стихи не приближают к универсальному языку и
бесклассовому обществу а только отдаляют от него потому
что заражены ложным сознанием и ведут по ложному следу
эти стихи написал я
я это я

О МЕТОДЕ

Я думаю, что самая демократичная литература — не та, которая понятна всем, но та, которая учитывает все конвенциональные языковые жесты.

Д.А. Пригов

Язык неистовствует в своем упорстве прорваться к реальности — для него сегодня наконец-то, казалось бы, уже нет никаких преград: твитты с площадей, эсэмэски из автозаков, перепосты горячих новостей, wikileaks, письма против и письма поддержки, — вот она жизнь как она есть — голые факты, цифры, таблицы, инфографика — предельно эффективный и полезный язык. Прагматика документа и никакой риторики и поэтики. Блоггеры как тот самый дровосек Ролана Барта, для которого «дерево — не образ, а просто смысл поступка»¹. То есть дровосек никогда не высказывается по поводу, а высказывает сам поступок. Ведь слова — это единственное, что мы производим сами². Мы — это только слова, а все остальное — это соединение и разделение уже существовавших до нас элементов. Но упомянутые блоггеры, оперируя давно уже только словами, будто продолжают соединять и разделять элементы природы в своей производственной деятельности, уподобив язык дереву, а слово — топору. И тут загвоздка: так как слова не «естественны» (а полностью созданы человеком), то они и только они обладают способностью отвлечь человека от его «естественного» предназначения, затуманить его функциональные жесты и ритмы, принятые в «естественных» циклах природного производства. И все упомянутые твитты и посты — есть высказывания в публичной среде языка, а значит это уже в разной степени политические и литературные высказывания. Такие высказывания, по Рансьеру, способны овладевать какими угодно людьми, углублять расхождения, открывать новые возможности. Но главное, они способны циркулировать без сопровождающего их автора, как речевые блоки — квазитела, на равных обращаясь к каждому встречному,

уничтожая старые иерархии и одновременно образуя случайные сообщества, высказывающиеся коллективы, которые с помощью этих актов обобщественной речи трансформируют существующее распределение ролей, территорий и языков.

Но с другой стороны, что значит «мы — это только слова» сегодня? Согласно пост-операисту Паоло Вирно в условиях постфордизма производительной силой становятся «не только экстериторные технические инновации и информатизация производства, но сама имманентность человеческого “мозга” как безмерной потенциальности». То есть производство слов становится самодостаточной процедурой нашего мозга, который теперь сам — главный конвейер, выпускающий полуфабрикаты идей, аффектов и лингвистических актов, готовых к употреблению. Но в отличие от реальных полуфабрикатов, потребление идей, аффектов и знаний влечет за собой бесконечное расширение языка и мысли, множа социальные и культурные практики. Казалось бы, процесс постфордистского труда совпадает с его результатом, то есть результат не объективирован в продукте. Сама мысль, речь становится производящей «машинной». Но вот вопрос, для кого и что она производит? Парадокс в том, что интеллектуальный труд производит нематериальные, языковые изделия, зачастую никак не соотносящиеся с реальным миром. Медианосители такого труда истончились до неразличимости невооруженным глазом. Их посредничество все менее видимо (но от этого не менее весомо). Наш взгляд скользит по поверхности монитора, слова и буквы то появляются, то исчезают, не оставляя и следа, оставляя эфемерность. Наш интерес ничем не подкреплен, наше внимание рассеяно, наши практики чтения и соответственно письма симультанны и предельно фрагментированы. Та самая реальность, на вершину бурления которой мы только что вознеслись, растворяется, не оставляя нам даже означаемого, которым только что была покорена. Опять белый лист. Но лишь на мгновение. Что бы тут же заполниться жизнью как она есть. Главное не останавливаться, не сопротивляться потоку. Жить —

значит коммуницировать. Прием — передача. Никаких шумов в канале связи. Помехи должны быть устранены. Эта бесконечная сеть коммуникации, прибавочная стоимость которой — идея или знание — тут же отчуждается в пользу собственника данной сети.

Что же тут может сделать поэзия, чья коммуникативная функция по факту стремится к минимуму? Неужели ее удел — изредка высказывать с обочины истории и вставлять палки в колеса телеги коммуникации? Или поэзия суть храм языка, который можно строить и в стороне от шума времени? Нет. Ничего сугубо поэтического — того, что можно было бы потрогать и сказать — да это принадлежит поэзии и больше ничему, не существует. Поэзия обитает в той же среде языка, что и «враждебная» профанная коммуникация. Более того, она — вторжение в ее суть, отвлечение от «естественного» цикла вос-производства (и подчинения), который, как мы уже показали выше в случае со словами, абсолютно искусственен. Субстанция поэзии и есть избыточность этой коммуникации, ее критическая масса, разорвавшаяся изнутри и выпавшая в осадок новой формы. В этих новых языковых формах, узнавая себя, могут поселиться «бездомные», исключенные (зачастую по своей воле) из унитарного массового тела субъекты. Эти новые социальные субъекты — нарождающиеся множества несводимых друг к другу единиц — ускользают, отступают, совершают множественный «исход», проявляющийся в практиках гражданского неповиновения и учреждения нового типа отношений, обтекающих предписанные государством нормативности. Но, прежде всего, их ускользание и новая сборка происходит в имперсональной среде языка (ср. высказываниям — квази-телам без носителя у Рансьера³). Речь зачастую идет о борьбе за право называть тем или иным словом одну и ту же вещь. Делёз в «Логике смысла» пишет о неравновесности и несимметричности резонирующих серий означающих и означаемых, где первые всегда количественно доминируют, оставляя тем самым возможность провалу — месту, в котором возникнет новая смычка смысла, разрушительная для уже существующего. Поэзия как ничто чует за версту

эти смысловые провалы и смычки. Она ими кормится как истинный «бездельник» языка, предпочитая жить впроголодь, но не отчуждать от себя ни единого слова. Поэзия есть раз-отчуждение любого труда в языке — раз-отчуждение самого труда языка, который, обретая в поэзии возделенную «жизнь-для-себя», дарует ее и каждому слову, которое теперь есть само новый субъект, а вместе — языковое множество равных, раз-отчужденных слов-товарищей, готовых прийти на помощь мысли и действию тех, кто возьмет на себя смелость и ответственность за поступок⁴. Настоящее слово (слово-товарищ⁵), по словам Гумбольдта, ближе выговоренного или напечатанного текста. Всякая лексика и любая фонетика уже только тени. А слово всегда по-настоящему только и задевает. Оно то, что мы еще надеемся сказать; то, что упрямо стараемся расслышать сквозь обесценивающиеся знаки. Попытаться сказать — это уже не молчать, но еще не говорить. В тайминге Occupy Wall Street есть хороший лозунг: «You cannot evict an idea whose time has come» («вы не прогоните идею, время которой пришло»). Идея здесь не называется, но двери времени уже распахнуты перед ней, требуя именованья, которое, выражаясь в терминах Хайдеггера, прорвется в сущее, начудив в нем, и назначит его к бытию. Только тогда сущее и будет проявлено как таковое. И здесь как нельзя к месту столетней давности вопрос Эйхенбаума об осложнении писательской практики, от литературного «как писать» к реальному «как быть писателем» (или не быть: Александра Введенского современники называли «безбытным»). Только от сознательного выбора «как быть» и можно обрести необходимость писать по-другому, по-новому. Прodelать путь от приема как формального поиска к методу, наделяющему этот поиск необходимостью, обусловленной невозможностью говорить как раньше. Ведь любое новое, становящееся приходится описывать старым языком, и только метод — этот протокол разрыва между старым и новым способом быть — имеет своей поэтической задачей дать имя тем чувствам, эмоциям, практикам, которые настойчиво затребует жизнь. Удача поэтической

задачи ничем не гарантирована — новый мир совсем не обязательно затребует именно этих, а не иных слов поэта (и вообще не обязательно затребует)⁶. Поэт сознательно воспрещает грезе (по Малларме — противнице его задачи) входить в него, но при этом его слова буквально кишат грезами. Греза внутри поэта — обволакивающая, она тотализирует и ведет к катастрофе, но грезы, выписанные из тела поэта, находящиеся по ту сторону сигнификации, грезы-концепты обладают раз-воплощающими, деконструирующими качествами. (Концептуалисты Рубинштейн и Пригов так деконструировали позднесоветскую идеологию: первый вычищал все следы грезы, оставляя голым знакам свидетельствовать о своей абсолютной сделанности, а второй, наоборот, насыщал грезами все знаковое пространство, ввиду чего оно переставало носить вмененный идеологией смысл). Как писал В.Н. Волошинов, «не слово является выражением внутренней личности, а внутренняя личность есть выраженное или загнанное внутрь слово». Родовая способность к языку доиндивидуальна. Но среда языка только и делает возможным перейти от языка как родовой способности к индивидуальному речевому акту, к «загнанному внутрь слову», которым поэт по-прежнему «пишет как дышит», но его «дышит» организуется уже не дыханием автора как индивидуума из плоти и крови, сопротивляющегося бытию-к-смерти. Вместо фиксированной точки или истока поэтического слова поэт всякий раз собирается в субъекта, который как бы «полностью вовне себя самого», он строится, лепится, меняется, рождается, перерождается и продолжает жить после ухода своего носителя, но уже в культурных формах и текстах. По словам Ж. Симондона, индивидуация никогда не бывает завершенной и субъект всегда есть борьба индивидуализированного с доиндивидуальным, единичного с анонимно-универсальным. И язык, как обобществленное сырье, уже насыщенное определенными кодами и типами восприятия и интерпретации, становится «загнанными внутрь словами» поэта всегда не полностью, оставляя доиндивидуальному

рыскать в разысканиях некоего среза, смещения, нехватки, производя эффект анонимной и неуправляемой речи. Задача поэта «найти место и формулу» («Мы утверждаем тебя, метод!» — восклицает Рембо, говоря, что ему «не терпится найти место и формулу»), разработать такой метод, который позволил бы этой анонимной и неуправляемой речи стать тем самым словом без сопровождающего, на равных обращаясь к другому. Только самоустраняясь из высказывания, стирая свои следы из слова, поступаясь законным отцовством, поэт тем самым предлагает форму выражения для нового опыта, предоставляет возможность каждому разделить этот опыт и всю гамму переживаний (чувственного), с ним связанного. Это форма прямой *демократии слова*, когда учитываются «все конвенциональные языковые жесты». Слово перестает быть лишь представителем (средством) ущербного поступка, а поступок лишь побуждением, мотивом слова⁷. Они обретают одинаковую реальность — равноправие — товарищество слова и поступка, не сводимых одно к другому, но и не существующих друга без друга. Ален Бадью говорит в «Веке поэтов» о поэзии метода как о том типе мысли, который в условиях засилья научных и/или политических швов принимает некоторые из их функций на себя, не намереваясь подменить их собой. Такая поэзия «устанавливает директивы для мысли, предлагает мысли единственные в своем роде операции». Мотиву «операции» Бадью противопоставляет романтические темы «медитации», созерцания, умозрения. Можно возразить, что поэт, беря на себя внеположные поэзии задачи, тем самым предаёт саму её суть — усиливать осязаемость знаков, сосредотачивая внимание на сообщении как таковом. Но выше мы проясняли, что не позволить впустить в себя грезу — не значит изгнать грезу из своей поэзии⁸. И воля к методу, к осознанной операции по возделыванию «загнанных внутрь слов», предлагая мысли «единственные в своем роде операции», только и даёт ей форму себя выразить. Ведь любая мысль — есть перформатив мысли, любое переживание впервые обретает форму только через выражение. Выбор поэтом той или формы

изначально идеологически обусловлен. Не в вульгарном смысле идеологии как пассивной формы отражения условий своего существования, а в альтюссеровском смысле идеологии, которая не отражает и описывает некую реальность, а воображает и выражает волю (консервативную, конформистскую, реформистскую или революционную), надежду или ностальгию. Поэт может, конечно, не сознавать свою идеологию, отрицать ее, ставя себя вне-идеологии (а, следовательно, и вне политики⁹), но это отрицание будет ни чем иным как продуктом другой идеологии, так как вне идеологии (вне Логоса¹⁰) нет никакого высказывания. Поэт — не абстрактный «бескорыстный скриптор», грезящий посреди гула языка, а всегда первый осознавший, что только в слове он имеет бытие, движение и жизнь. И если по Альтюссеру идеология всегда социально материальна и воплощена в практике, то не честнее ли осознать свои практики как уже ангажированные идеологией. Суть ангажированного высказывания заключается в том, что, помимо анализа «имманентных» средств письма и приемов, оно осознает себя в социокультурном и, шире, — историческом контексте. Для поэта метода ангажированное высказывание есть не предание своей поэзии, а «единственная в своем роде операция», единственно возможная форма (и место) мыслить здесь и сейчас. Вальтер Беньямин в известном эссе «Автор как производитель» писал о Сергее Третьякове: «Я хотел бы обратить ваше внимание на Сергея Третьякова и на определенный и воплощенный им тип “оперирующего” писателя. Этот оперирующий писатель дает нам убедительнейший пример функциональной зависимости, в которой всегда и при любых обстоятельствах располагаются верная политическая тенденция и прогрессивная литературная техника. <...> Третьяков отличает оперирующего писателя от информирующего. Его миссия — не сообщать, но бороться; не играть на публику, а активно вступать с ней в бой. Он определяет свою миссию при помощи сведений, которые раздобывает в своей деятельности».

Таким образом, завершая наше введение в метод, мы дадим несколько, может быть прямолинейных, но необходимых с нашей точки зрения рекомендаций поэту, желающему не замыкаться в «самовитом» слове, боясь растерять свою «самость».

— Такой поэт прежде всего должен осознать, что сама эта «самовитость» есть эффект его неперевариваемости коммуникативной тотальностью. И пойти дальше, осознав свою роль в производстве символического, расчехлить «самовитость» как грозное оружие против наличного порядка языка (который — этот порядок — есть порождение существующих форм общественных отношений).

— Для этого поэт должен научиться отстаивать и аргументировать свою работу, а не опустив очи долу рассуждать о том, что он так видит, слышит, что он вообще ни при чем, он просто медиум, а это голос неба и т. д. Отстаивая и аргументируя, такой поэт занимает место, с которого можно обозреть границы и обнаружить зоны, свободные от господствующих идеологий. Если необходимо, то он проникнет внутрь идеологий и разрушит гладкость образов и иллюзий, поставляемых нормализующими инстанциями языка власти, образования, масс-медиа.

— Задача поэта — делать видимым еще только назревающие, находящиеся в тени, неотрефлектированные изменения в социуме, давать форму выражения новому опыту, предоставляя возможности каждому разделить этот опыт, тем самым борясь за его материальную необратимость.

— Поэт должен уйти от набора случайных, ни к чему не обязывающих практик к последовательной поступочности — литературно-социальной машине по производству разотчужденных мест мысли.

— Практикуя *поступочность*, поэт тем самым не бежит от слов — бежать незачем и некуда — а наоборот, как можно четче выписывает себя из слов, осознаннее формирует свое высказывание — плоть опыта и его фактическое осуществление.

— Ангажированная поэзия не пересказ, не

иллюстративность («вбивание готовых идеологических гвоздей»), не публицистика, не памфлет, не речевка с ловкими каламбурами и меткими рифмами.

Ангажированность есть как борьба за свое место мысли в литературном поле, так и разомкнутость в социум — ангажированность в практике — создание условий не только для отрешенного эстетического опыта, но и для опыта этического прочтения.

Примечания

1. «Здесь вновь следует вернуться к различению языка-объекта и метаязыка. Если я — дровосек и мне нужно как-то назвать дерево, которое я рублю, то, независимо от формы моей фразы, я высказываю в ней само дерево, а не высказываюсь по поводу него. Стало быть, мой язык — операторный, транзитивно связанный со своим объектом: между деревом и мною нет ничего кроме моего труда, то есть поступка. Это род политического языка: в нем природа представлена лишь постольку, поскольку я собираюсь ее преобразовать, посредством этого языка я делаю предмет; дерево для меня — не образ, а просто смысл моего поступка». Р. Барт, Мифологии.
2. «Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном сотворении материи, а дают лишь идею о её видоизменении. — Соединение и разделение — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства...». (цитата из «Medditazoni sulla Economia Politica», Pietro Verri, которую приводит Маркс в первом томе «Капитала», доказывая двойственный характер труда).
3. «Пути политической субъективации — пути отнюдь не воображаемой идентификации, а "литературного" отторжения». Ж. Рансьер, «Разделяя чувственное».
4. Бибихин в «Слове и событии» цитирует книгу «Vita activa, или о деятельной жизни» Ханны Арендт: «Теснейшим образом взаимосвязаны поступок и речь... Герой Ахилл одинаково велик в слове и деле; таким он был воспитан

(Илиада, IX, 443). В расхождение с современными представлениями его слова считались великими не потому что выражали великие мысли. Скорее наоборот. Герой должен быть без рассуждений способен на благородное слово в решающий момент, как на мужественный поступок. <...> Мысль развернется со временем из такой речи, не наоборот».

5. См. эссе «Слово-товарищ как поступок» в этом сборнике.

6. В 1928 г., отвечая на анкету, Мандельштам пишет: «Октябрьская революция не могла не повлиять на мою работу, так как отняла у меня "биографию", ощущение личной значимости. Я благодарен ей за то, что она раз и навсегда положила конец духовной обеспеченности и существованию на культурную ренту. Подобно многим другим, чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается».

7. Литература может влиять на мир нравственности и на поведение людей, давая им мотивы для поступков. Политическое писательство стремится к тому, чтоб подвигнуть людей на определенные действия, давая им определенные мотивы для поступков. В этом смысле язык оказывается лишь средством более-менее суггестивного распространения мотивов, которые руководят тем, кто действует в его душе. Для такой точки зрения характерно, что то отношение языка к поступку, при котором первый не был бы средством для второго, совершенно не учитывается. Подобное отношение существует как для бессильных языка и письма, низведенных до обычного средства, так и для убогого ущербного поступка, чей исток не в нем самом, а в неких мотивах, которые могут быть произнесены или высказаны. Но, в каких бы многообразных формах ни мог язык обнаруживать свое воздействие, он будет делать это не передачей содержания, а чистейшим самораскрытием своего достоинства и сущности. Мое понимание предметного и вместе с тем политически важного стиля и письма таково: подвести к тому, в чем слову отказано; только там где в несказанной, абсолютной ночи открывается эта сфера бессловесного, между словом и побудительным поступком может пробежать магическая искра, там, где есть единство их, одинаково реальных. В. Беньямин, «Письмо Мартину Буберу [о сущности языка]». «Учение о подобии. Медиаэстетические исследования».

8. Воспользуемся здесь прямой речью поэта и активиста Кирилла Медведева: «Я думаю, искусство должно: а) завораживать и потрясать, б) склонять к размышлению и анализу. Первое без второго — попса или пропаганда, второе без первого — умозрительный, бесчувственный продукт. В искусстве художник может быть несознательен, гнусен или даже реакционен — это нормально, потому что он прямо, честно и стихийно выражает свои эмоции — в политике же он пытается это знание о себе и о мире претворить в действие, сделать так, чтобы всё это в итоге служило абсолютно осознанным задачам — познанию, просвещению и освобождению».

9. «Политика поэзии, равно как и литературы вообще, есть тот способ бытия-вместе-с-другими-людьми, который мало-помалу формируется в сознании и существовании поэта, поскольку, с одной стороны, он сам так или иначе соотносится с политикой как коллективной практикой, а с другой — определяет свое понимание поэзии в связи с последней (даже исключая подобную связь, он будет вынужден считаться с подобным исключением, чуждостью своей поэзии политике, должен будет следовать этому установлению, оправдывать его)». Jacques Ranciere *Politique de la litterature*, Galilee, 2007, цитируется в переводе С.Л. Фокина.

10. Альтюссер заимствует из «Деяний» у святого Павла утверждение, что в «Логосе мы имеем бытие, движение и жизнь», подставляя на место Логоса идеологию: «в идеологии мы имеем бытие, движение и жизнь».

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ ЛЮДИ

В своей первой книге стихов и прозы, вышедшей в серии *kraft¹, я сделал необходимый шаг, уравнивая в рамках одного конкретного медиума книги «высоту» творения и «низость» трудового процесса, из которого это творение вырастает. Говоря «высота» и «низость», я как бы предвосхищаю расхожую риторику, опирающуюся на господствующие представления о разрыве между трудом и творчеством. Опираются они на введенное еще Аристотелем в «Политике» разделение на активную деятельность (praktikon) и деятельность продуктивную (poetika). Первая — есть удел господ и зодчих, а вторая — работников и рабов, то есть орудий. Творчество — явленная публично мыслительная и образная форма, процесс возникновения которой будто бы алхимичен, дематериализован ввиду своей невыразимости и несводимости к сумме операций над инертной материей. Труд, наоборот, слишком зауряден для того, чтобы его можно было как-то представлять, и оттого заточен в частном пространстве-времени, исключая работника из участия в общем.

Но что значит противопоставление между искусством и работой на примере нашей книги? У советского педагога и автора «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко есть известная цитата: «книги — это переплетенные люди». Понимать ее следует так, что любая книга — это объективированные под обложкой с корешком человеческие отношения — то, что Маркс называл «общественной кооперацией», т. е. коммуникация и взаимная координация в ходе производства. Производить — значит быть в связи с другими людьми, производство уже не приватно, но еще не публично. Публичным его делает раз-облачение (раз-вещствление) продукта, то есть представление самого акта производства как самоценного. Хотя сделать самоценным механический рутинный труд довольно сложно. Пролетариат потратил не одно столетие, чтобы вывести труд из тьмы его исключенности из пространства общего. Его борьба в итоге освободила не

труд, а бесконечное разделение последнего на множество невыговариваемых специализаций, внутри которых каждый рабочий, уже не объединенный с другим таким же конвейерной лентой, снова вываливается в частное время изготовления — в приватную ячейку с непроницаемыми стенками.

Но, в случае с книгой как продуктом «интеллектуального труда», где доля механического труда по печати является лишь последней стадией, весь акт производства приобретает общественную форму сетей, основанных на коммуникации, сотрудничестве и эмоциональной привязанности, то есть он нематериален в смысле приложения каких-либо действий к инертной материи природы. По мнению Негри и Хардта, «при таком нематериальном труде производство переходит границы экономики... и напрямую затрагивает культуру, общество и политику. В этом случае производятся не просто товары... а социальные взаимоотношения и жизненные формы как таковые». То есть, в книге, работа с языком и его продукт — высказывание — практически совпадают. Сама книга становится и предметом и предмеченным опытом того или иного высказывания. А этот опыт, еще до всякого содержания, это всегда опыт некоего сообщества людей, которое борется за право его выразить, за право на язык в данном историческом месте и времени. Сообщество формирует свое высказывание, фактически осуществляясь только через его форму. И книга в своем осуществлении есть форма жизни, такая форма отношений людей добровольного и творческого труда, где «творянами» становятся все, и об этом перестают говорить. Творчество здесь не противопоставлено труду, а один из форпостов труда — его авангардный отряд.

Искусство, по словам Рансьера «предвосхищает работу, потому что реализует ее принцип — преобразование чувственной материи в самопредставление сообщества». Авангарды начала XX века, упраздняя искусство в качестве отдельной деятельности, возвращали его труду, то есть жизни, разрабатывающей свой собственный смысл. Поэтому книга, как «способ делать» (как высказывание,

сделанное именно в такой, а не иной форме) дает языку новые средства для выражения общего опыта, тем самым делая этот опыт материально необратимым. А книга, как «способ быть» (как форма жизни) трансформирует труд, превращает его в перформативный, коммуникативный, наглядно представляющий себя, структурно уподобляя его политическому действию.

Осознав это, мы поймем, что никакой особой тюрьмы у языка нет, кроме той, где уже заточена наша мысль. Борясь за освобождение мысли — мы боремся за новый язык. Тот язык, что всегда и грубая почва под ногами и ускользающий горизонт.

1. «Что значит эта книга, сделанная как вещь-товарищ?» (предисловие к книге «Товарищ-вещь», доступной по адресу <http://www.trans-lit.info/osminkin.pdf>)

Бумага, на которой напечатана эта брошюра, в полиграфическом производстве называется «крафт». Такой же пользуются работники почты и многих других технических отраслей.

То, что вы держите в руках, не похоже на «нормально сделанную» поэтическую книжку, и это отвечает стремлению авторов, чьи тексты напечатаны на этой бумаге и в этой серии, акцентировать материальную сторону культурного производства.

Конечно же, ремесло поэта, прежде всего, заключается в производстве «речевых вещей», подразумевающим умение видеть фактуру языкового материала и умение преодолевать его сопротивление. Однако чувствительность к материальности языка и непрозрачности формы при известной последовательности приводит к анализу материального уровня бытования литературы и непрозрачности ее отношений с обществом и, как следствие, к пересмотру границы между «искусством» и «тем, что его не касается».

Эту серию можно понимать как стремление людей, являющихся специалистами по словам, обрести квалифицированное отношение к самим вещам, стремление понимать дело литературы не как некое привилегированное ритуальное действие, а как способ людей освоиться с жизнью, стремление к упразднению разделения труда на «творческий» и «ручной».

Совместная серия альманаха «Транслит» [www.trans-lit.info]
и Свободного марксистского издательства [fmbooks.wordpress.com]

The word 'kraft' is rendered in a large, bold, sans-serif font. Each letter is filled with a dense, diagonal hatching pattern, giving it a textured, three-dimensional appearance. The letters are closely spaced but distinct.

| АЛЬМАНАХ «ТРАНСЛИТ» И СВОБОДНОЕ МАРКСИСТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО |